

РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

МИСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Ведьмин клад	Слеза ангела
Волчья кровь	Старинный орнамент везения
Время черной луны	Третий ключ
Дом у Чертова озера	Музы дождливого парка
Лунные драконы	Хозяйка колодца
Паутина чужих желаний	Лабиринт Медузы
Пепел феникса	Темная вода
Печать василиска	Снежить
Проклятый дар	Девятый ангел

«САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ»

Самая темная ночь
Час перед рассветом

«ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма

«ТАЙНА СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью	Проклятое наследство
Приди в мои сны	Змеевы дочки
Сердце зверя	Зов серебра

«ВРАНОВА БАШНЯ» «СВЕЧНАЯ БАШНЯ»

Вранова погоня	Свечная башня
Сердце ночи	Светочи тьмы

«ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот Гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

«МАРЬ»

Марь
Марионеточник
Марионетки

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ПРОКЛЯТЫЙ
ДАФ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Проклятый дар / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-225993-7

Как часто счастье и беда ходят рука об руку! Ася смогла убедиться в этом, когда на костер ее внезапно вспыхнувшей любви обрушился ледяной ветер ненависти, ведь чтобы спасти своего возлюбленного, девушке пришлось заключить союз с чуждыми человеку силами. Ася прошла через многие испытания, преодолела страх, не раз рисковала собственной жизнью, и за эту смелость ей дан особый дар. Только вот принесет ли он счастье?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225993-7

© Корсакова Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Ася. 1943 год

Асю разбудил грохот. Как была, босиком и в ночной сорочке, лишь накинув на плечи батину телогрейку, она выскочила во двор.

Небо над Сивым лесом горело и вздрагивало от пулеметных очередей, на сером предрассветном фоне черные силуэты самолетов были похожи на гигантских летучих мышей.

— Ой, лишенько, — слышался за спиной испуганный мамкин голос. — Подбили, ироды!

Мама стояла на крыльце так же, как и Ася, полуголая и босая. Запрокинув бледное лицо к небу, она крестилась и шептала что-то неразборчивое, наверно молитву.

Комсомолка Ася в силу молитв не верила и этой мамкиной набожности даже стеснялась. Бог тут не поможет, а кто поможет, она не знала, просто испуганно всматривалась в мечущиеся в небе черные тени, прислушивалась к вспарывающим тяжелые апрельские тучи пулеметным очередям и пыталась разобрать, какая же из теней своя.

Советские самолеты прилетали в их глухой, оккупированный фашистами край очень редко,

всегда под покровом ночи. Девушка слышала, как мужики шептались про Сивый лес, партизан и диверсии, а еще про помощь. Что это была за помощь, Ася никогда не спрашивала, не маленькая уже, сама все прекрасно понимает. В Сивом лесу, в самых глухих его уголках, прячутся партизаны. Да что там прячутся! Глупость какая! Борются с фашистскими гадами, устраивают диверсии, подрывают вражеские поезда, приближают, как могут, победу. Вот к ним, партизанам, и летают самолеты. Наши самолеты...

— Ася, шла бы ты в хату, донька! — Мама перестала креститься, ее стиснутые в кулаки руки были прижаты к груди, а в глазах стояли слезы.

Самолетов было четыре, три вражеских и один наш. Мамка оказалась права, наш подбили. Теперь он летел низко-низко, едва не касаясь крыльями старых сосен, оставляя за собой дымно-огненный хвост...

— Прыгай! — взмолилась Ася, до рези в глазах всматриваясь в небо. — Ну прыгай же, родненький!

— Ася, иди домой! — Мама обняла ее за плечи, потянула назад в хату. — Мы ему ничем не поможем, только беду накличем.

Подбитый самолет раненой птицей пикировал вниз, в самую лесную чащу. А может, и не в лес вовсе, а в самую топь. Отсюда, с крыльца, невозможно было точно понять, где заканчивается лес и начинается болото. Самолет упал, фашистские «мессеры» кружились над ним, точно стервятники, не оставляя летчику ни малейшего шанса на спасение.

— Ну прыгай же! — заорала Ася во все горло, и в ту же секунду мама испуганно зажала ей рот рукой.

— Донька, что ж ты творишь? Себя не жалеешь, других пожалей. Вдруг услышат?..

— Пусть! — Ася вырвалась из маминых объятий, снова запрокинула голову к небу. Там, среди туч и огненных вспышек, распускался гигантский серый цветок. Одуванчик — подумалось нехстати, маленький, беспомощный одуванчик. Парашют планировал медленно, слишком медленно. Не успеет...

— Не успеет... — эхом повторила мама. — Господи, да что же это?..

— Успеет! — Ася упрямо потрянула головой. — Мама, это же военный летчик! Наш летчик! Мама, он не может погибнуть вот так!

Точно в насмешку над ее наивной верой, купол парашюта схлопнулся, и летчик камнем полетел вниз...

— Вот и все. — Мама снова перекрестилась. — Донька, не нужно тут стоять, пойдем в дом.

— Мам, — Ася шмыгнула носом, — мам, а если он живой еще?

— Не живой. — Мама крепко сжала ее руку и потянула в хату. — Ася, ты видела, с какой высоты он упал? Ты видела, куда он упал? Это же дрыгва*, Ася! — Уже в сенях она замерла, внимательно всмотрелась в лицо дочери, а потом сказала: — Если жив, его наши найдут, не бросят.

* Дрыгва́ — трясина (белорус.).

— Не бросят. — Девушка поежилась от прокравшегося в дом предрассветного холода. Партизаны летчика ни за что не бросят. А вот найдут ли? Потому что одно дело — искать кого-то в лесу, и совсем другое — на Гадючьем болоте. Даже старожилы не всегда могут четко определить, где заканчивается одно и начинается другое. А сейчас еще и половодье...

Секунду-другую мама внимательно и тревожно смотрела на дочь, а затем кивнула своим мыслям, сказала устало:

— Зорьку пойду подою. Все равно теперь уж не уснуть. А ты, если хочешь, поспи. Рано еще.

— Посплю. — Ася кивнула, вслед за матерью прошла из сеней в хату, прислонилась к теплomu печному боку, прикрыла глаза. — Я тут на припечке полежу. Что-то холодно.

Мама оделась быстро. Натянула юбку, кофту, сунула ноги в галоши, повязала на голову платок, набросила телогрейку, уже выходя из хаты, еще раз внимательно посмотрела на Асю, хотела было что-то сказать, но лишь молча покачала головой.

Как только за ней захлопнулась дверь, Ася отклеилась от печи, заметалась по комнате, собираясь. Действовать нужно было быстро, пока мама не подошла Зорьку. Одежда, сапоги, телогрейка... Краюха хлеба, кусок сала, скалик с самогоном, чистый рушник, если вдруг придется перевязывать раны. Вот, кажется, и все. Наверное, нужно написать маме записку, но на это уже не осталось времени. Сбитого летчика могут искать не только партизаны, но и фрицы.

Ася сунула припасы в торбу, торбу — себе за пазуху, для надежности. Оно-то, конечно, время раннее, но осторожность лишней не будет. Мало ли кто повстречается, какие станет задавать вопросы. На вопросы Ася уже и ответ придумала: идет с гостинцами к бабе Малаше в соседнюю Васьковку. Васьковка как раз на другом краю Сивого леса, если не углубляться в чащу, а шагать краем. Баба Малаша — мамкина двоюродная тетка, одинокая и старая, ей помощь нужна.

Из дому выйти незамеченной удалось, а вот из деревни... Ася была уже у поселкового кладбища, покосившимися крестами и старыми могилами врастающего в опушку Сивого леса, когда ее окликнули:

— Эй, красавица, далеко собралась в такую-то рань? — Захар Прицепин, поселковый староста и первейший фашистский прихвостень, опирался на деревянную палку и смотрел на Асю с внимательным прищуром.

Ася мысленно застонала, потому что хуже Захара мог быть только какой-нибудь фашист. Да еще и не факт, что хуже. Фашист по-нашему не понимает, да и нет ему дела до какой-то местной девчонки, а Прицепину до всего дело есть.

Стараясь не смотреть на деревянную чурку, еще в ранней молодости заменявшую Захару потерянную ногу, Ася улыбнулась.

— И тебе доброго здоровьечка, Захар Степанович. К бабе Малаше я, спину у нее прихватило.

— А под фуфайкой что? — Вот ведь ирод, ничего-то от него не утаишь!

— Да так, гостинцы. — Чувствуя, как по спине стекают холодные ручейки, Ася из последних сил старалась выглядеть беззаботной.

— Гостинцы, говоришь? — Захар подошел вплотную. Молодой, статный, красивый — если бы не больная нога, быть бы такому на фронте, а он тут фашистским прихвостнем. И плевать, что люди говорят, что Прицепин на фронт самый первый рвался. Рваться, может, и рвался, да вот только сейчас он не советский человек, а доверенное лицо у фрицев. Староста... — А не покажешь гостинцы-то?

— А тебе зачем? — Ася отступила на шаг, но Захар поймал ее за рукав телогрейки, с силой потянул к себе.

— А я просто так интересуюсь, на всякий случай. — Черные цыганские глаза смотрели с неверием. — Показывай!

Высвободившись из цепких лап Прицепина, Ася вытащила из-за пазухи торбу. Захар изучал ее содержимое с мрачным пристрастием, а потом спросил:

— А самогон зачем?

— Для притирок! — сказала Ася зло. — Я же говорю, у бабы Малаши спину скрутило. — Она выдернула торбу из рук старосты, сунула обратно за пазуху. — Ну что, теперь мне можно идти, Захар Степанович?

Это еще хорошо, что рушник обмотала вокруг талии, а так бы пришлось выдумывать, зачем бабе Малаше рушник...

— Видела, над Сивым лесом самолет сбили? —
вдруг ни с того ни с сего спросил Захар.

— Ничего я не видела! — Ася на старосту не
смотрела, старательно застегивала пуговицы
на фуфайке.

— А я видел. Летчик вроде бы успел выпрыг-
нуть...

— Это ты к чему? — Липкие лапы страха
 снова коснулись кожи между лопаток.

— Это я к тому, что герр Фишер приказал
организовать в лес поисковую экспедицию. — За-
хар помолчал, рассматривая пуговицы на Асиной
фуфайке, а потом продолжил: — С собаками
и пулеметчиками.

— И зачем ты мне все это рассказываешь, За-
хар Степанович? — Ася поежилась.

— Да просто так, чтобы не попалась по
бабьей своей дури им на пути.

— Я в Васьковку иду! — Она с вызовом
вздернула подбородок. — Мне ваш лес без на-
добности.

— Это хорошо, что без надобности. — Захар
растянул губы в холодной усмешке, черные глаза
недобро блеснули. — Бабе Малаше привет пере-
давай и пожелания скорейшего выздоровления.

— Непременно!

Не дожидаясь, пока староста скажет еще
хоть слово, Ася обошла его по большой дуге и едва
ли не бегом бросилась прочь. Принесла же нелег-
кая волка колченогого! Еще чего доброго станет
у бабы Малаши интересоваться, приходили ли
к ней гости. Видать, надо будет зайти, чтобы
не было никаких подозрений...

Ася шла по склизкой после прошедшего ночью дождя дорожке и спиной чувствовала направленный на себя взгляд Прицепина. Хоть бы он профрицев с собаками сбрыхал...

* * *

— ...А вот тут у нас четырнадцатая палата. — Петрович, совершенно спитого вида дядька в лоснящемся от бесконечного и бесконтрольного употребления халате, остановился перед обитой коричневым дерматином дверью, в которой как раз на уровне глаз имелось забранное мелкой решеткой окошко.

«Прямо как в тюрьме», — недобро подумалось Матвею.

— Это для буйных, что ли? — спросил он, с отвращением рассматривая некогда позолоченную, а сейчас облезшую дверную ручку.

— Ну как сказать?.. — Петрович пожал сутулыми плечами, шмыгнул красным, усыпанным сосудистыми звездочками носом. — Можно и для буйных. Оборудована она как надо, сам видишь. — Он с непонятной гордостью кивнул на окошко. — Но вообще-то это блатная палата, ее сам главврач ведет. Так что тут всякие клиенты встречаются: то буйные, то тихие, но все непростые — вот!

— А сейчас там кто? — спросил Матвей устало.

Двухчасовая экскурсия по этой образцово-показательной частной психиатрической лечебнице уже успела вселить в душу тоску и уныние. Может, лечебница и в самом деле образцово-показательная — никаких других Матвею видеть вообще не доводилось, — но до чего ж мрачная! И вот странное дело: вроде бы сделано

все на совесть, даже как-то нарочито красиво и радостно, стены выкрашены в веселый небесно-голубой цвет, линолеум на полу вполне себе новый и чистый, цветочки в кадках, жизнеутверждающие плакатики в красном уголке, шторы канареечного оттенка, но вот отчего-то сразу понятно, что место это необычное, насквозь пропитанное людскими страданиями и годами копившимся, уже почти коллективным, душевным нездоровьем. Может, из-за запаха? Неистребимой, с самого порога шибящей в нос смеси дезсредств, лекарств и безнадежности. Какая именно нота отвечала за безнадежность, Матвей пока не вычленил, но четко понимал — в этом старом трехэтажном особняке она поселилась давно и, по всей вероятности, надолго. Ладно, экскурсию бы Матвей как-нибудь пережил, за свои неполных тридцать он и не такого успел навидаться, но тут ведь не экскурсия! В этом неприятном месте, ловко маскирующемся под элитное лечебное заведение, ему предстояло работать санитаром. Отныне у него в коллеггах спившийся Петрович, а в начальниках лохотный тип с бегающими глазками и самодовольной физиономией. Как там его? Егор Васильевич Стешко, кажется. Молодое дарование, светило психиатрии и подающий какие-то там надежды научный сотрудник.

Главврач Матвею не понравился с первого взгляда, было в нем что-то неправильное, ненастоящее, точно за личиной добропорядочного и всеми уважаемого гражданина прятался не совсем адекватный тип. Матвей даже мысленно окрестил его доктором Джекилом, а потом устыдился своих поспешных выводов. Ведь вполне может статься, что на лицо молодого дарования и све-

тила психиатрии наложила отпечаток специфика его работы, этакая профвредность. Вот только уж больно он молод, чтобы пострадать от профвредности. Сколько ему? На вид двадцать пять — двадцать семь, не больше. Сопляк, а уже при регалиях. Не иначе как блатной...

— Алена Михайловна там сейчас. — Всю дорогу балагуривший и сыпавший медицинскими байками Петрович вдруг приосанился и на мгновение стал похож не на конченого пропойцу, а на вполне нормального мужика.

— А Алена Михайловна у нас кто? — поинтересовался Матвей, пытаясь поверх плеча Петровича заглянуть в забранное решеткой оконце.

— Из наших она, из медиков. — Петрович отчего-то досадливо покачал лысеющей головой. — Доктор она... была. Вроде бы даже с главным на одном курсе училась. Оттого он ее к себе и взял по старой дружбе, из профессиональной солидарности, так сказать. Это ж дорого сейчас — лечиться в стационаре. Да еще таком, как этот. Так что сам видишь...

Матвей еще раз посмотрел на дерматиновую дверь с тюремным окошком и подумал, что солидарность какая-то уж больно сомнительная. Интересно, как к ней относится сама Алена Михайловна?

— А чего она у вас отдельно? — спросил он, понизив голос до шепота. — Совсем, что ли, буйная?

— Сам ты буйный! — с укором сказал Петрович. — Нездоровая она, вот что! Нездоровая! А что буйная, так не все время. Егору Васильевичу удалось правильное лечение подобрать, сейчас уже получше все.

Что получше, Матвей спрашивать не стал, вместо этого задал другой вопрос:

— Эта бластная палата тоже в нашем ведении?

— Ага. — Петрович положил заскорюзлую, похожую на корягу ладонь на дверную ручку. — Раньше тут Григорьевна управлялась, но пару месяцев назад решили, что мужчине ловчее будет. Особливо после того, как Алена Михайловна...

Что такого сделала пациентка бластной палаты с санитаркой Григорьевной, Петрович так и не сказал, вместо этого порылся в карманах халата и вытащил на свет божий увесистую связку ключей. На связку Матвей посмотрел с нескрываемым удивлением. Как объяснил сам Петрович, в целях безопасности почти все двери в отделении не имели ручек и открывались универсальным ключом, дубликат которого был в наличии у каждого медработника — от лечащего врача до санитара. Нормальных дверей в этом ненормальном месте раз-два и обчелся... Тогда зачем же столько ключей?..

— Люблю я, понимаешь, это дело. — Петрович с нежностью посмотрел на свою связку. — И они меня любят. Веришь, не я их нахожу, они сами меня находят. Иду, а они то под ногами, то просто в замках забытые. Как же можно бросить? Это ж плохо, когда они бесхозные...

Да, бесхозные ключи — это плохо, хуже может быть, только когда санитар обращается со своими железками как с живыми...

А ведь Галка предупреждала! Специально статьи подсовывала со всякими психиатрическими страшилками, пыталась отговорить. Да только он не из пугли-

вых, у него, может быть, своих собственных странностей на половину этой психушки хватит.

— Петрович, а мы в блатную палату зайдём? — спросил Матвей, отчасти чтобы перевести разговор в более конструктивное русло, а отчасти из-за того, что устал стоять перед закрытой дверью.

— А ты думаешь, я тебя сюда привел, чтобы свою коллекцию показать? — Санитар с неуловимой для взгляда проворностью выцепил из связки нужный ключ, вставил его в замочную скважину, а потом, через плечо оглянувшись на Матвея, строго сказал: — И чтобы мне это... С уважением чтобы! И не пялься на нее, она этого не любит.

— Не буду пялиться, — заверил Матвей, но, оказавшись в блатной палате, тут же забыл о своем обещании.

Палата была самой обыкновенной. Он уже мысленно приготовился узреть обитые стегаными матами стены и стопку смиренных рубашек, но вместо этого увидел железную кровать, белую тумбочку и небольшой стол с россыпью изрисованных черным бумажных листов. Скорее даже не изрисованных, а исчерканных — дергано, хаотично и совершенно безумно. Петли, загогулилки, силуэты, смутно похожие то на человеческие, то на птичьи, мотыльки с изломанными крыльями. Пикассо отдыхает... Такие же петли, силуэты и крылья были выцарапаны чем-то острым на стенах. Даже странно, вроде бы буйным не должны давать в руки ничего колюще-режущего...

— Григорьевна как-то ложку алюминиевую забыла, — шепнул Петрович. — Утром пришла — а стены вот такие. Наверное, всю ночь работала.

Он так и сказал — работала, как будто эту на- скальную живопись можно называть работой, как будто это не вернейшее подтверждение психического нездоровья милейшей Алены Михайловны.

Матвей так увлекся разглядыванием абстракции на стенах, что внимание на пациентку обратил далеко не сразу, а когда обратил, то уже не смог оторвать взгляда. А Петрович говорил не пялиться...

Она была сумасшедшей, настоящей, стопроцентной сумасшедшей, именно такой, какими их описывают в книгах и изображают в психологических триллерах. Не просто худая, а с той болезненной худобой, которую не может скрыть даже мешковатая больничная одежда. Тонкая шея, узкие запястья, нервные пальцы, выпачканные чем-то черным. Матвей не сразу понял, что это художественный уголь. Наверное, после инцидента с ложкой карандаши и ручки у нее забрали, а может, и вообще не давали. Но даже не худоба и не чересчур подвижные, точно живущие своей собственной жизнью пальцы кричали о душевном нездоровье пациентки из четырнадцатой палаты. Чтобы убедиться в этом окончательно и бесповоротно, достаточно было заглянуть ей в лицо.

В отличие от рук лицо оставалось совершенно неподвижным, лишенным мимики и хоть какого-нибудь выражения, живыми на этом лице-маске оставались только глаза. Да и живыми ли? У нормального человека просто не может быть такого взгляда. Увлекающаяся фотографией Галка назвала бы его расфокусированным, но у Матвея имелось свое определение. Взгляд пациентки был направлен в никуда. Она не просто смотрела сквозь них с Петровичем, она, каза-

лось, видела что-то позади них. Или даже в них самих, но эта идея казалась уж совсем бредовой, и Матвей ее решительно отринул, сосредоточившись на необычном сине-зеленом цвете радужки, на совсем не по-девчоночьи коротких, но таких черных и таких густых ресницах, что глаза казались густо подведенными, на остром, припорошенном бледными веснушками носу, сосредоточенно поджатых губах, небрежном мазке угля на правой щеке и коротких, неаккуратно подстриженных каштановых волосах. Эта прическа с убийственно короткой челкой а-ля Жанна д'Арк наводила на невеселые размышления не хуже, чем расфокусированный взгляд и пальцы, с отстраненной сосредоточенностью кромсающие на мелкие кусочки лист бумаги. Сумасшедшая... пожалуй, самая сумасшедшая из всех здешних пациентов. Классика жанра...

— А мы вот пришли поздороваться. — Петрович деликатно откашлялся и ткнул Матвея в бок, наверное, чтобы не пялился. — Алена Михайловна, вы сегодня чудесно выглядите.

Это лживое «чудесно выглядите», адресованное женщине, которая и на женщину-то не особо похожа, окончательно утвердило Матвея в мысли, что сохранить душевное здоровье, работая в таком неприятном месте, дано не каждому. А Галка предупреждала, что и его такое ждет. Может, она и не ошибалась, но деньги им нужны до зарезу, и тут уж не до жиру. Поработает в психушке, с него не убудет...

— А на улице сегодня погода такая замечательная, — продолжал заливаться соловьем Петрович. — Вот просто райская благодать. Через часик непременно сходим на прогулку. Да, Алена Михайловна?

Как и следовало ожидать, Алена Михайловна промолчала, но кромсать бумагу перестала. Наверное, санитар расценил это как добрый знак и продолжил уже другим, гораздо более бодрым голосом:

— Я вас познакомить хотел с нашим новым... сотрудником. — Он дернул парня за рукав, подтаскивая поближе к несчастной. — Алена Михайловна, это Матвей, мой напарник. Я его уже проинструктировал, он вам докучать не станет. Не станешь же? — Он снова дернул Матвея за рукав.

Вместо ответа Матвей лишь неопределенно пожал плечами. Вот уж сомнительное удовольствие — добиваться внимания сумасшедшей.

— Он не станет! — уверенно заявил Петрович. — Только в рамках инструкций, — добавил чуть тише. — Вы же, Алена Михайловна, сами врач, должны понимать, что без инструкций никак.

Если бывший врач Алена Михайловна что-то и понимала, то виду не подала, вместо ответа она принялась заплетать в косицу полоски бумаги. Взгляд ее по-прежнему оставался расфокусированным. Жуть, одним словом...

Смотреть на пациентку не было никаких сил, и Матвей уставился на окно палаты. Наверное, потому, что палата номер четырнадцать находилась на первом этаже, а может, и согласно инструкциям, окно было забрано решеткой, но не простой, а ажурной, выкрашенной в белый цвет. Блатная решетка для блатной палаты. Но имелось и еще кое-что, приковавшее к себе внимание Матвея: стекло было усеяно трупиками мотыльков. Это выглядело так, словно насекомые на максимальной скорости врезались в окно. Странно...

— Едва ли не каждый день приходится мыть, — проследив за его взглядом, шепотом сказал Петрович. — Вот прямо как медом им тут намазано, летят и летят. Как только снег сошел, так и полетели. А зимой так и в палате появлялись. А это плохо, — добавил он совсем тихо.

— Почему плохо? — так же шепотом поинтересовался Матвей.

— Мне кажется, она их боится. — Петрович кивнул на стены. — Видал, как страхи свои проецирует?

На какое-то мгновение Матвею показалось, что Петрович не просто санитар, а спившийся психиатр, наверное, из-за этого мудреного выражения про проецирование страхов, но сменщик тут же совсем незящно шмыгнул красным носом, и наваждение развеялось. Хотя с мотыльками все равно странно.

— И на прогулке вокруг нее всегда вьются, — добавил санитар, — но тех она не боится.

— Это почему?

— Потому что те дневные, а эти ночные, — ответил Петрович как-то совсем уж невпопад. Сказал и засуетился, забегал глазами по палате, а потом произнес, как показалось Матвею, даже с легким полупоклоном: — Ну, Алена Михайловна, мы пойдем? Я позже загляну, когда придет время на прогулку собираться. Может, вам нужно что? Так вы скажите.

— Выключите свет, — сказала Алена Михайловна, и Матвей, почти привыкший к ее nepřисутствию в этом мире, от неожиданности вздрогнул.

— Что? — Петрович подался вперед, точно не расслышал слов пациентки.